

ВОСПОМИНАНИЯ МНОГИХ, ТАКИХ РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ

Предисловие автора,
написанное к 30-летней
годовщине первой публикации
«Острова на Птичьей улице»

Книги невозможно сравнивать с детьми. Но всё-таки они чем-то похожи. Например, тем, что прощаются с тобой, отправляются в путь — долгий ли, короткий ли — и с этого момента не перестают тебя удивлять. И хотя книги остаются такими же, какими ты их написал, — не вырастают и не меняются, — но постепенно вокруг них создаётся аура мыслей и чувств, и они превращаются в воспоминания многих, таких разных, неизвестных тебе людей. Книги начинают говорить на множестве удивительных языков и поселяются в сердцах девочек и мальчиков, которые растут, взрослеют, становятся мамами и папами.

Бывает, что служащая в банке или продавец в магазине, выписав квитанцию на моё имя, вдруг неуверенно спрашивает: «Скажите, это вы написали

„Остров на Птичьей улице“? У меня была в детстве эта книга, а сейчас её читает мой сын...»

Бывает, что компания детей на улице, увидев меня, прекращает игру и, после недолгого перешёптывания, самый смелый подходит и спрашивает: «Вы Ури Орлев?»

А ещё бывает, что на меня показывают пальцем и хихикают: «Вон Эйнштейн пошёл!» И тогда я говорю своей жене: «Дорогая, самое время меня подстричь».

Ури Орлев
Иерусалим, 2011

1. ПАПИН СЕКРЕТ

Я проснулся. Папа сидел на полу. Рядом с ним горела свеча. Я совсем не выспался и не досмотрел сон, который мне снился. Зевнув, я хотел заснуть обратно и попробовать узнать, чем там в моём сне всё закончится. Иногда такое получается, если не просыпаешься до конца. Мама говорила, что так бывает, главное — не смотреть в окно. Сейчас окно было плотно занавешено, потому что светомаскировка, да и на улице была темень.

Но я почему-то забеспокоился. Что папа делает на полу? Он возился с какими-то железка-

ми. Я слышал, как они позвякивают. Папа протирал их и внимательно осматривал. И тут он заметил, что я сел в кровати. В первый момент он прикрыл эти железки ладонями, будто хотел утаить от меня какой-то секрет. Но я сразу увидел, что там у него. Я успел разглядеть рукоятку и спусковой крючок. У папы есть пистолет! Я окончательно проснулся. Неужели он собирается убивать немцев?

Мама не вернулась. Она пошла в другой район, гетто алеф¹, поведать товарищей из сионистской организации² и больше не вернулась. Это было неделю назад. Или десять дней — я не считал. Считать было слишком грустно. Сначала мы думали, что её забрали для работ где-то поблизости. Потом — что её отправили на несколько дней куда-то далеко. В конце кон-

¹ Алеф — первая буква еврейского алфавита. Числовое значение — 1. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Во многих гетто действовали разные нелегальные организации: коммунистические, антифашистские и в том числе сионистские — то есть такие, которые поддерживали идею создания еврейского государства в Палестине и последующего переселения туда евреев со всего мира.

цов мы начали подозревать, что её увезли в Германию. Но людей, получавших оттуда письма через Красный Крест, было очень мало, и никто даже не знал наверняка, написаны эти письма по-настоящему или под диктовку.

Папа несколько секунд смотрел на меня, а потом убрал ладони, которыми пытался закрыть детали разобранного пистолета. Я уже было открыл рот, чтобы задать вопрос, но он приложил палец к губам. Может быть, из-за Гринов, которые спали в соседней комнате, — у нас с ними была общая квартира на две семьи. Я слез с кровати, подошёл и уселся на полу поближе к свече.

— Это настоящий пистолет? — спросил я шёпотом.

— Да, — ответил папа и улыбнулся.

Конечно, я и так это понял. Просто поверить было очень трудно. Я не слышал, чтобы хоть у кого-нибудь из наших соседей был пистолет. И вообще, если в гетто у кого-нибудь и был пистолет, то таких людей — по пальцам одной руки пересчитать. Всего, может, двое или трое. По правде говоря, я ничего про это не знал. По-

тому что такие вещи хранились в секрете, детям уж точно никто их не рассказывал.

— Что ты с ним делаешь?

— Чищу, смазываю, держу в боевой готовности на всякий случай.

— Ты будешь убивать немцев?

— Да, — сказал папа.

Мне стало страшно.

— Завтра?

— Нет, — сказал папа, — не волнуйся.

Папа не собирался открывать мне свой секрет и рассказывать о пистолете, хотя я всегда помогал ему во всём. И когда мы строили бункер с Гринами. И когда устраивали тайник — только для нас — из досок на чердаке. Не говоря уже обо всём том, что мы с ним чинили и делали дома. Но когда стало ясно, что его секрет больше не секрет, папа сразу перестал сомневаться и согласился показать мне, как эту штуку разбирать и собирать, как чистить и смазывать, чтобы всё работало идеально.

— Где ты научился?

— Когда-то давно я был солдатом, — ответил папа.

— Ты мне не рассказывал.

— Это был не самый лучший период в моей жизни, — сказал папа. — Правда, меня тогда быстро взяли в сборную по боксу, но другие евреи всякого там натерпелись, и мне было больно и обидно за них.

Пистолет у папы был итальянский, «беретта» с магазином на семь патронов. Папа вытаскивал их один за другим и объяснил мне, как они устроены.

— Я научу тебя стрелять из пистолета, — вдруг сказал он после некоторого молчания, будто ждал, пока решение созреет в нём окончательно.

И я научился. Если кто-нибудь разбудит меня посреди ночи и спросит, я смогу сразу, без запинки, сказать: итальянская «беретта», модель 1934 года, калибр 9 миллиметров, длина ствола 92 миллиметра, общая длина 149 миллиметров, вес 680 граммов.

После того раза мы с папой по ночам нередко сидели вдвоём на полу и я разбирал и собирал нашу «беретту», а папа показывал мне, как взводить курок, как снимать пистолет с предо-

хранителя — всё по порядку. Ещё он учил меня целиться. Папа ложился напротив меня, держа в руках вырезанный из картона кружок, потом я целился в дырочку, которая была проделана в центре кружка, спускал курок и говорил: «Бум!» А папа в это время смотрел через эту дырочку, куда направлено дуло, и говорил, попал я или нет.

— Наступит день, — сказал папа, — и эти уроки, может быть, спасут тебе жизнь, Алекс. Кто знает, как и когда закончится эта война.

Он вздохнул. Война шла уже три года, и это была Вторая мировая война. Мой папа ещё не успел забыть Первую. Как-то раз он сказал, будто бы в шутку:

— А тебе, мой мальчик, посчастливится увидеть и Третью.

Я не понял, что на самом деле он хотел этим сказать: он надеется, что я доживу до тех времён? Или просто что эта война — не последняя? Я спросил его, и он объяснил, что, когда закончилась Первая мировая война, все думали, что она будет последней. Но вот уже опять идёт война. С той только разницей, что в Пер-

вую мировую не убивали евреев. Ну, то есть их не убивали только за то, что они евреи. Тогда они служили в армиях разных стран и воевали в разных местах по всему миру, и их убивали на войне точно так же, как убивали других солдат. И, может быть, евреи даже убивали друг друга. Кто знает. У родителей моего папы, то есть у моих бабушки и дедушки, в ту войну дома жили немецкие офицеры, и они никому ничего плохого не сделали. Так странно об этом думать. Они просто забрали у бабушки с дедушкой все дверные ручки из меди и другие медные штуки, чтобы потом отлить из них пушки. А один из этих офицеров даже ухаживал за тётёй Луней. Бабушка ужасно сердилась. Как так вышло, что раньше они были людьми, а теперь?.. Папа не мог это объяснить. Может быть, поэтому никто вначале не хотел верить, что немцы действительно отправляют евреев на работы в лагеря и уничтожают их.

Мы с папой жили в общежитии для работников верёвочной фабрики, которая производила верёвки и канаты для немецкой армии. Папа каждый день вставал с рассветом и шёл на рабо-

ту. Я прятался на чердаке, а иногда папа прятал меня внизу, в бункере. Это зависело от того, какие слухи ходили по гетто. А иногда через крыши и тайные дыры в стенах квартир папа проводил меня на территорию фабрики и оставлял внизу, на складе. Тогда мне было не так скучно, и к тому же папа был совсем рядом. Барух-кладовщик учил меня вязать узлы из веревок и говорил со мной обо всём на свете. Я уверен, что старый Барух был такой же мудрый, как царь Соломон. Но даже ему я ни словечка не сказал про пистолет. Ведь я поклялся папе, что буду молчать.

Я не знал, но, оказывается, пистолет был всегда с папой. Папа под одеждой приладил на плечо ремень с кобурой и носил пистолет под мышкой, не снимая. Ночью — клал его под подушку. Папа не боялся, что немцы найдут у него пистолет. Ни одному немцу не могло прийти в голову, что у кого-то из евреев — хоть на фабрике, хоть на улице — может быть огнестрельное оружие. Они никогда никого не обыскивали, даже если собирали людей на площади для отправки в Германию, то есть в трудовые лагеря.

Старый Барух кипятил воду в маленьком электрическом чайнике, заваривал чай и следил за складом. Он записывал, сколько коробок с верёвками поступило на склад и сколько выдано со склада. Приезжала машина с немецким солдатом, и двое работников фабрики начинали грузить в неё коробки. Когда с машиной приезжал светловолосый немец, он угощал Баруха сигаретой. Но Барух никогда не предлагал ему чай. Когда приезжал рыжий немец, он орал на Баруха и заставлял его таскать коробки вместе с работниками. Ещё он иногда пинал Баруха. После того как машина наконец уезжала, старик утирал пот с лица и со вздохом опускался на стул. Затем ощупывал левую голень с внутренней стороны, примерно там, где кончался сапог, и бормотал что-то себе под нос.

Однажды я спросил его:

— У вас болит нога?

Он странно посмотрел на меня и, немного подумав, закатал штанину. Я увидел большой кухонный нож с широким лезвием — он был заткнут за голенище.

— Придёт день, и как минимум один немец ответит старому Баруху за всё.

— А у нас... — сказал я и прикусил язык. Ну надо же, чуть не проболтался! — ...у нас нет такого ножа. А мне бы так хотелось иметь такой же! — нашёлся я, как закончить.

— Мал ты ещё для этого, — сказал Барух. — Но, я уверен, когда подрастёшь, будешь знать, что и как делать.

Убить немца было не так уж просто. Но вообще-то и не так уж сложно. Потому что ни один немец не мог даже предположить, что здесь, в гетто, его жизни угрожает хоть какая-то опасность. У немца, который приходил на склад, был пистолет в закрытой кобуре на поясе. Но пока бы он расстегнул кобуру и достал пистолет, Барух три раза успел бы его зарезать. Воткнул бы нож ему в спину, например, — и всё. Хотя это, конечно, не по-джентльменски. Но папа сказал, что в отношении немцев джентльменские правила не действуют. Хотя бы потому, что немцы сами постоянно их нарушают.

Но точно так же, как и Барух, папа не мог использовать пистолет. Только всё говорил, что

когда-нибудь наступит день... Почему? Потому что если бы папа уложил из пистолета немца — на фабрике или на улице, — то другие немцы сразу бы убили большое количество народу — и женщин, и детей, всех без разбору, — просто чтобы запугать, чтобы никому не пришло в голову впредь делать что-то подобное. Это называется «акция устрашения». Вот никто ничего и не предпринимал — кому хочется брать на себя ответственность за жизни стольких людей лишь потому, что тебе приспичило убить одного жалкого немца?

Папа сказал:

— Мы не знаем точно, правда ли, что всех, кого отсюда увезли, немцы убили в лагерях.

А Барух сказал:

— Уже знаем. Я сам говорил с парнем, который сбежал оттуда. Я же тебе рассказывал.

Папа вздохнул. Ему хотелось верить, что мама ещё вернётся.

— Если ты так уверен, то почему ничего не предпринимаешь, а, Барух?

Отвечая на папин вопрос, Барух мне подмигнул: